

Т. А. Плаксина

Проблемы законодательной согласованности квалифицирующих признаков убийства (статья первая)

В современной уголовно-правовой литературе обоснованно подчеркивается, что в истории развития отечественного уголовного законодательства прослеживается четкая тенденция ко все более широкому использованию квалифицирующих признаков состава преступления в качестве средства дифференциации уголовной ответственности. Безусловно, дифференциация ответственности – явление позитивное; не случайно в теории уголовного права ее считают принципиальным направлением уголовно-правовой политики нашего государства. Вместе с тем процесс дифференциации ответственности, осуществляемый законодателем посредством введения в составы преступлений квалифицирующих признаков, нередко порождает и отрицательные побочные результаты, которые выражаются в различного рода несогласованностях в уголовном праве: это может быть, во-первых, несбалансированность уголовного закона и реальной жизни, возникающая из-за несоблюдения критериев криминологического отбора квалифицирующих признаков и нарушения правил их законодательной регламентации и проявляющаяся в основном в неадекватном отражении в законе типовой степени общественной опасности тех или иных вариантов преступного поведения; во-вторых, внутренняя противоречивость уголовно-правовых предписаний, вызываемая теми же субъективными причинами и принимающая форму различных логико-структурных дефектов, деформаций уголовного закона, которые затрудняют его применение. Т.А. Лесниевски-Костарева совершенно справедливо указывает на то, что изменение регламентации квалифицирующих признаков в новом УК РФ нередко носит лишь фрагментарный характер, нет ощущения цельной концепции [1, с. 229]. З.А. Незнамова, исследующая внутренние несогласованности уголовного законодательства, среди причин возникновения содержательных дефектов (коллизий) уголовного закона в целом также называет недостатки законодательной техники и неразработанность либо даже отсутствие концепции построения уголовного закона [2, с. 45].

Все изложенное вполне относимо к регулированию ответственности за квалифицированные виды убийств в УК РФ 1996 г. На сегодня-

шний день состав убийства имеет наибольшее во всей Особенной части УК РФ число квалифицирующих признаков, однако это совсем не тот случай, когда их внушительное количество говорит и о высоком качестве законодательного материала. Скорее наоборот: чем больше квалифицирующих признаков убийства вводится в УК на тех же условиях, что и прежде, т.е. при отсутствии концептуальных начал в построении системы квалифицирующих обстоятельств, тем очевиднее просчеты законодателя и тем сложнее применение закона.

Несогласованности между уголовным законом и реальной жизнью, выражающиеся в неверном отражении в законе типовой степени общественной опасности различных видов убийств, вследствие игнорирования критериев отбора квалифицирующих признаков убийства и правил их нормативной регламентации заслуживают самостоятельного серьезного анализа и сами по себе здесь рассматриваться не будут. Предметом настоящего исследования являются несогласованности второго вида, а именно – логико-структурные дефекты нормы, усугубляющей ответственность за квалифицированные виды убийств, а также связанные с этими дефектами проблемы применения ч. 2 ст. 105 УК РФ и возможные способы разрешения этих проблем. Стоит, однако, обратить внимание на то, что деление несогласованностей уголовного закона на два указанных вида (внутри самого закона и между законом и действительностью) является достаточно условным. Несовершенство внутренней законодательной регламентации квалифицирующих признаков может быть и причиной, и следствием несогласованностей между уголовным законом и реально существующими видами общественно опасного поведения, хотя обычно оно вторично и является отражением дисбаланса между законом и жизнью.

В теории права учение о логико-структурных дефектах и деформациях в системе права и системе законодательства разработано недостаточно. Однако те исследователи, которые занимались указанными проблемами, выделяют виды логико-структурных дефектов и очерчивают структуру так называемого системосохраняющего механизма законодательства, включа-

ющего средства «исправления» таких дефектов.

В частности, Н.А. Власенко подразделяет все логико-структурные дефекты в праве на пять видов:

1) антиномия (противоречие) права, выражающаяся прежде всего в противоречивости норм и нормативном излишестве;

2) излишнее дублирование, представляющее собой полное совпадение объемов и смыслового содержания норм, в результате чего возникает тождественность правового регулирования;

3) пробелы в праве;

4) нерациональное расположение правовых норм, чем нарушаются структурные связи между ними;

5) логическое несовершенство правовых конструкций [3, с. 21–28].

Непосредственная связь некоторых видов логико-структурных дефектов закона с несбалансированностью между законом и действительностью очевидна: например, пробельность закона по существу представляет собой и его внутренний дефект, и вариант несогласованности закона с внешними по отношению к нему явлениями.

Любые из этих видов логико-структурных дефектов, а особенно первые два, способны создавать в качестве вторичного образования такую деформацию закона, как коллизия. Так, З.А. Незнамова отмечает: «Коллизии в уголовном законодательстве являются одной из разновидностей логико-структурных дефектов системы законодательства, возникающих по причине противоречивости нормативных предписаний, нормативного излишества, неоправданного дублирования норм права» [2, с. 45].

Проблема законодательной согласованности квалифицирующих признаков убийства, противоречивости, «бездефектности» закона, безусловно, имеет первостепенное значение для квалификации содеянного, осуществляемой работниками правоохранительных органов в процессе применения УК. Однако, прежде чем исследовать степень законодательной согласованности между собой квалифицирующих признаков убийства и связанные с этим проблемы правоприменения, представляется необходимым остановиться на вопросе о правовых последствиях квалификации преступления по нескольким пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ либо установлении в содеянном нескольких квалифицирующих признаков, сосредоточенных в одном и том же пункте. В научной литературе давно выработаны правила квалификации преступлений, имеющих составы с альтернативными признаками, в том числе составы с аль-

тернативными квалифицирующими признаками, к каковым относится и ч. 2 ст. 105 УК РФ, и сформулировано правовое значение решения, вытекающего из этих правил: для наличия состава достаточно одного из альтернативных элементов; если их два и более, то это имеет значение для ужесточения наказания, но не для квалификации деяния [4, с. 29]. Эта позиция нашла свое отражение и в актах официального толкования. Так, в соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя или более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам; наказание же в таких случаях не должно назначаться по каждому пункту в отдельности, однако при назначении его необходимо учитывать наличие нескольких квалифицирующих признаков. Таким образом, при одновременном наличии в содеянном нескольких квалифицирующих обстоятельств, расположенных как в разных пунктах ч. 2 ст. 105, так и в одном (Т.В. Кондрашова употребляет термин «идеальная совокупность» применительно к совокупности квалифицирующих признаков в таких случаях, и он представляется вполне пригодным, поскольку специалисту ясно, о чем идет речь [5, с. 62]), правовые последствия их констатации заключаются лишь во влиянии на назначение наказания в пределах санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ, причем степень этого влияния в законе не определена. Иначе говоря, образующаяся идеальная совокупность квалифицирующих признаков в отличие от идеальной совокупности преступлений влечет для виновного лица последствия совсем иного рода: по сравнению с ситуацией, когда в деянии содержится только один квалифицирующий признак, при их множественности не изменяется ни квалификация, если иметь в виду часть статьи, ни пределы наказания: так, что при наличии одного квалифицирующего признака из ч. 2 ст. 105 УК, что при наличии пяти подобных признаков, проявляющихся в одном и том же убийстве, действия виновного будут квалифицироваться по ч. 2 ст. 105 УК, и теоретически как в том, так и в другом случае ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет, или пожизненное лишение свободы, или смертная казнь. Никаких более точных законодательных регламентаций на этот счет нет; оценка тяжести каждого конкретного квалифицирующего обстоятельства и отражаемой их совокупностью обще-

ственной опасности деяния зависит от усмотрения суда.

Правильность такого подхода законодателя вызывает сомнения. Можно, конечно, сослаться на то, что санкция сконструирована с «запасом» в расчете на возможную совокупность квалифицирующих признаков и ее широкие пределы позволяют назначать справедливое наказание, учитывая общественную опасность убийства, совершенного при нескольких квалифицирующих обстоятельствах, однако, как видим, закон не запрещает и другое: назначить максимальное наказание (на сегодняшний день это пожизненное лишение свободы) при одном квалифицирующем признаке и минимальное (8 лет лишения свободы) при их множественности. Изучение практики Алтайского краевого суда по делам об убийстве показывает, что нечто подобное происходит не так уж и редко: бывает, при одном квалифицирующем обстоятельстве суд избирает близкий к максимальному пределу срок лишения свободы (17–18 лет), а при двух–трех и даже более квалифицирующих обстоятельствах назначает далеко не самое суровое из возможных наказание. То же самое положение складывалось и в период действия УК РСФСР 1960 г., в частности, в первой половине 90-х гг., когда по отдельным уголовным делам, рассмотренным тем же судом по ст. 102 УК РСФСР, выносились приговоры с назначением виновному в совершении убийства лицу пятнадцати лет лишения свободы или даже смертной казни при том, что в содеянном был установлен лишь один квалифицирующий признак [6]. Объяснение такой практики тем, что в соответствии со ст. 60 УК РФ 1996 г. (ст. 37 УК РСФСР 1960 г.) при назначении наказания учитывается множество различных обстоятельств, а не только число квалифицирующих признаков, вряд ли может быть принято. Возникает вопрос: способны ли вообще какие бы то ни было обстоятельства иметь такую силу, чтобы практически свести на нет значение количества квалифицирующих признаков при назначении наказания?

Здесь не лишним будет заметить, что квалифицированные виды убийств, ответственность за которые предусмотрена в ч. 2 ст. 105 УК РФ, несмотря на то, что сосредоточены они в рамках одной и той же части статьи с одной и той же санкцией, далеко не равны по степени общественной опасности, поэтому при назначении наказания иногда и в самом деле имеет значение не столько количество квалифицирующих признаков, сколько их содержание; так, например, уголовно-правовыми исследования-

ми установлено, что наиболее строгое наказание назначается при совершении убийства с особой жестокостью (п. «д»), из хулиганских побуждений (п. «и»), убийства, сопряженного с изнасилованием (п. «к»); в то же время как менее опасные виды убийств по сравнению с перечисленными практика расценивает убийства, совершенные группой лиц без предварительного сговора (п. «ж»), убийства, совершенные общеопасным способом (п. «е»), если при этом фактически иные лица не пострадали, убийства в связи с выполнением общественного долга (п. «б»). В итоге действительно вследствие того, что законодателем ответственность за убийство про дифференцирована слабо, типовую степень общественной опасности конкретных видов убийств вынужден оценивать при индивидуализации наказания суд. Однако не секрет, что в целом отсутствие четких юридических предписаний в вопросе о влиянии множественности квалифицирующих признаков на меру ответственности виновного лица создает возможности для различного рода злоупотреблений, а часто просто дезориентирует практических работников, ибо сколько бы мы ни говорили о важности правильного и точного установления всех квалифицирующих признаков совершенного убийства, пока законом не установлены определенные уголовно-правовые последствия этого, трудно добиться и «чистоты» формулы квалификации, и соблюдения принципа справедливости, провозглашенного в ст. 6 УК РФ.

Предположение о том, будто законодатель преднамеренно не стал осуществлять более глубокую дифференциацию ответственности за убийство и придавать особое правовое значение совокупности квалифицирующих обстоятельств, исходя из того, что даже при наличии одного из них общественная опасность убийства уже выходит за ту грань, где возможности усиления ответственности и так исчерпаны, подтверждение в законе не находит. Напротив, о том, что дифференциация не только возможна, но и необходима, свидетельствует все тот же чрезмерно большой перепад между минимальным и максимальным пределом наказания в ст. 105: слишком широкие пределы санкций ч. 1 и ч. 2 ст. 105 ныне действующего УК (как, впрочем, и ст. 102 и 103 УК РСФСР 1960 г.) уже неоднократно становились объектом критики со стороны ученых. Однако, справедливости ради, следует отметить, что иногда действительно наблюдается объективно обусловленная «бесполезность» части квалифицирующих признаков, при которых лицо совершило убий-

ство, для определения меры его ответственности. Это происходит при слишком большом количестве квалифицирующих обстоятельств, характеризующих конкретное совершенное убийство. Понятно, что в любом случае каждый следующий по счету квалифицирующий признак имеет по сравнению с предыдущим все меньшее значение для ужесточения наказания, поскольку последнее приближается к своему максимальному пределу и не может бесконечно увеличиваться пропорционально количеству квалифицирующих обстоятельств. Совершенно естественно, что какое-то число квалифицирующих признаков (с учетом, конечно, и других обстоятельств, необходимых для назначения наказания) образует ту их «критическую массу», которой соответствует выбор максимально возможного наказания, и установление квалифицирующих признаков «сверх того» уже не отражается на наказании, как, впрочем, и исключение вышестоящим судом из обвинения лица, совершившего убийство при 5–7 квалифицирующих признаках, одного из них, объективно вряд ли может служить основанием для снижения размера наказания или избрания более мягкого его вида (в частности, лишения свободы на определенный срок вместо смертной казни или пожизненного лишения свободы). Однако это не означает, что в законе никак не должно регулироваться влияние количества квалифицирующих признаков убийства на избрание вида и размера наказания.

Выход из создавшегося положения видится в более детальной дифференциации ответственности за убийство, которая может быть проведена тремя способами:

1) путем выделения в ст. 105 УК РФ ч. 3 с сосредоточением в ней особо квалифицирующих признаков убийства;

2) путем придания совокупности квалифицирующих признаков этого преступления более четкого правового значения;

3) путем сочетания первого и второго способа, что представляется наиболее оптимальным.

Подробное рассмотрение вопроса о дифференциации ответственности за убийство не входит в предмет настоящего исследования. Однако стоит отметить, что выделение в ст. 105 УК РФ ч. 3 с обособлением в ней особо квалифицирующих признаков убийства, отобранных из числа закрепленных ныне в ч. 2 отягчающих обстоятельств, помимо всех положительных моментов, присущих дифференциации ответственности вообще, даст и сокращение в каждой из частей количества квалифицирую-

щих (особо квалифицирующих) признаков. Это значит, что возможности «нагромождения» друг на друга квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков убийства, расположенных в одной части ст. 105 УК, при совершении конкретного преступления будут более ограничены, чем это имеет место сейчас, отсюда и весомость каждого входящего в совокупность квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака для назначения наказания будет повышаться. Недостатком же осуществления дифференциации ответственности только таким способом является то, что влияние совокупности квалифицирующих признаков на назначение наказания опять окажется вне поля зрения законодателя.

Второй вариант законодательного разрешения рассматриваемой проблемы заключается в придании совокупности квалифицирующих признаков значения обстоятельства, повышающего минимальный предел назначаемого наказания, по примеру того, как это сделано в настоящее время для рецидива преступлений в ст. 68 УК РФ, причем такая норма может касаться не только состава убийства, но и других составов преступлений, и быть размещена в Общей части УК. Правда, правовая природа подобных обстоятельств в уголовно-правовой литературе понимается по-разному. Так, Т.А. Лесниевски-Костарева, рассматривая сущность обстоятельств, имеющих влияние на типовое наказание и закрепленных в ст. 68 и ч. 2–4 ст. 66 УК РФ, отмечает, что «это не отягчающие или смягчающие обстоятельства в рамках института индивидуализации уголовной ответственности (и назначения наказания), а квалифицирующие и привилегиирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности» [1, с. 245]. Особенность заключается лишь в том, что они вынесены в Общую часть УК и изменяют только один из двух пределов наказания (верхний или нижний) в отличие от квалифицирующих или привилегиирующих признаков, закрепленных в Особой части, которые изменяют оба предела наказания одновременно (по отношению к основному составу). Л.Л. Крутликос же считает, что «с того момента, как конкретное обстоятельство переводится из Особой в Общую часть уголовного законодательства, оно утрачивает одну из существенных черт квалифицирующего обстоятельства (влияние на квалификацию) и в качестве последнего уже не выступает» [7, с. 156]. «По своей природе, – пишет он далее, – упомянутая группа обстоятельств не может быть отнесена ни к квалифицирующим, ни к обычным отягчающим и

смягчающим обстоятельствам, занимая между ними промежуточное, срединное положение» [7, с. 28]. Но как бы там ни было, Л.Л. Кругликов прав в том, что законодательная конкретизация правового значения отдельных обстоятельств дела при назначении наказания по примеру ст. 62, 65, 66 УК РФ – одно из перспективных направлений совершенствования уголовного закона [10].

Наконец, третий способ может состоять в сочетании традиционного варианта дифференциации ответственности в Особенной части УК с приданием совокупности квалифицирующих признаков значения особо квалифицирующего обстоятельства в рамках предлагаемой выше ч. 3 ст. 105 УК РФ. Придание совокупности квалифицирующих убийство признаков значения особо квалифицирующего признака апробировано в законодательстве других стран. В

частности, в УК Испании использован именно такой прием при конструировании особо квалифицированного состава убийства: в ст. 139 к квалифицирующим признакам убийства, позволяющим назначить наказание от 15 до 20 лет лишения свободы, отнесены вероломство; совершение преступления за плату, вознаграждение или по обещанию; совершение убийства с особой жестокостью; а в ст. 140 указывается, что убийство, совершенное при двух или более отягчающих обстоятельствах, предусмотренных предыдущей статьей, наказывается лишением свободы на срок от 20 до 25 лет [8, с. 51]. Подобное решение представляется вполне приемлемым по своей сути, хотя, разумеется, пределы санкций могут быть совсем иными с учетом специфики их построения в российском законодательстве и максимального срока лишения свободы по УК РФ 1996 г.

Литература

1. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000.
2. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994.
3. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. №3.
4. Кузнецова Н.Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. №1.
5. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000.
6. Архив Алтайского краевого суда. 1993. Д. №2-169; 2-150; 2-50; 2-145; 1992. Д. №2-1; 1991. Д. №2-30.
7. Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права. Ярославль, 1999.
8. Уголовный кодекс Испании. М., 1998.